

П. В. Седов

Деревянные хоромы царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича*

Символическое значение местопребывания государя очевидно: оно отождествлялось с самим правителем: каков государь, таков и его дворец. В восприятии современников русские самодержцы были мистическим образом связаны со своими дворцовыми помещениями. В смутные времена эта связь воспринималась особенно чутко. Составитель Пискаревского летописца, хорошо знакомый с жизнью царского двора эпохи Смуты, посчитал важным отметить судьбу царских помещений среди самых значимых событий. Утвердившийся в Москве Лжедмитрий I «почал жити в полатах, а Борисовские хоромы велел сломати и отдал Мстисловскому». Для своей мнимой матери царицы Марфы самозванец «зделал ей хоромы в Вознесенском монастыре близ Фроловских ворот». Марина Мнишек «жила во царицыных полатах»¹. Летописец подчеркнул, что самозванец и его жена не стали жить по русскому обычаю в деревянных хоромах, а разместились в каменных палатах. Им противопоставлена царица Марфа, которая жила в деревянных хоромах в монастыре, что было прилично ее монашескому чину.

Случай с хоромами царя Василия составитель Пискаревского летописца выделил в отдельный сюжет: «Явление лета 7117. Повелением царя и великого князя Василья Ивановича Шуйскаго 115 году поставлены хоромы и сени новые на место царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа Руси, и у тех хором подломились сени, а мост и бревна, и брусье были новые и толстые. И все

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-09-00134 А.

люди пришли во удивление о таком чуде»². Современники восприняли обрушение новых царских хором как божий знак: к 1609 г. положение непопулярного в народе царя резко ухудшилось, и его жилые помещения, как и его власть, стали разваливаться.

Для изучения комнатной жизни царей XVII в. важно установить, где была та самая государева Комната, которая являлась центром скрытой от посторонних глаз дворцовой жизни. И. Е. Забелин тщательно собрал отрывочные сведения на этот счет и установил, что сохранившиеся каменные палаты в Теремном дворце служили парадными помещениями, а жилыми были стоявшие рядом деревянные хоромы. Царь Михаил Федорович после строительства Теремного дворца (1635–1636) продолжал жить в деревянных хорамах. Эта традиция сохранялась при его сыне Алексее Михайловиче, который через год после вступления на престол уже справил новоселье в деревянных Потешных хорамах³.

Новые документы дворцовых ведомств и другие источники позволяют существенно уточнить существующие представления о кремлевских деревянных хорамах царской семьи в XVII в.

Хоромы царя Алексея Михайловича

В 1651 г. царь Алексей справил еще одно новоселье: 27 августа слуга Спасо-Прилуцкого монастыря сообщил своим властям из Москвы, что «изволил государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси во свои государевы новые хоромы перетти; и архиепископли, государи, и монастырские стряпчие окладывают ему, государю, образы и готовят дары»⁴.

В 1655 г. царский дворец посетил антиохийский патриарх Макарий, что подробно описано его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Царь устроил парадное застолье не в каменных палатах, а в деревянных хорамах: 12 февраля 1655 г. патриархи Никон и Макарий «вместе пришли в другую, большую деревянную палату, где были расставлены кругом столы». Деревянная столовая палата была обширна — в ней стоял стол для царя и двух патриархов; «министров и приближенных царя посадили за длинным столом», прочих архиереев «посадили направо от царя за дальним столом. Мы же, с прочими настоятелями монастырей, священниками и монахами, сели за столами, расставленными рядами посредине». В той же деревянной столовой состоялся и «стол» 20 февраля⁵. По свидетельству П. Алеппского, Теремной дворец не был жилым помещением, а служил парадной резиденцией для приемов: «...большой каменный царский дворец, знаменитый своею красотой, высотой и обширностью, огромностью своих камней и своим возвышенным строением. Царь принимает в нем послов от великих государей, чтобы показать свое могущество над ними»⁶.

Павел Алеппский бывал не только в царском дворце, но и многократно посещал патриаршие палаты. Описывая их, он заметил, что «в углу Крестовой

палаты есть дверь, ведущая к новому деревянному строению с многочисленными кельями, кои идут одна за другой и назначены для зимнего помещения, ибо жители этой страны не любят жить в каменных домах, потому что, когда печи в них истоплены, то ударяет в голову и причиняется головная боль. По этой причине непременно строят для зимы, подле каменных деревянные дома, и по всему зданию закрытые проходы»⁷.

Врач царя Алексея Михайловича англичанин Самуэль Коллинс по возвращении на родину опубликовал в 1671 г. свои впечатления о жизни русского двора, который он знал изнутри. По его свидетельству, царский дворец «построен из камня и кирпича, кроме некоторых комнат, где его величество спит и ест целую зиму. Русские думают, что деревянные комнаты гораздо здоровее, нежели каменные, и не без причины: потому что в этих каменных покоех толстые своды издают из себя испарения, когда печи натоплены»⁸. Сведения Павла Алеппского и Самуэля Коллинса позволяют уверенно утверждать, что внутренняя повседневная жизнь царской семьи проходила в деревянных хоромах, а не в Теремном дворце.

Воспоминания С. Коллинса передают живое впечатление атмосферы дворца Алексея Михайловича: «Телохранители и стражи при его дворе стоят как безгласные неподвижные истуканы. В его дворце все так тихо, как будто никто в нем не живет. Кроме служителей и должностных бояр, никому не позволено подходить ко внутреннему дворцу. В обществе он обедает только на празднествах, и тогда бояре обедают в его присутствии»⁹.

Сходное впечатление о замкнутом характере комнатной жизни русских царей сложилось и у секретаря австрийского посольства в Москву 1698 г. — Иоганна Корба. Он противопоставлял открытый образ жизни молодого царя Петра — старой московской традиции: «Прежние цари строже соблюдали дворские обычаи: они, никого не допуская к своему столу, одни обедали и только для изъявления особенной милости некоторым боярам обыкновенно посылали им некоторые кушанья со своего стола»¹⁰.

Тишина во внутренних покоях и закрытый характер жизни русского царя должны в наибольшей степени относиться к деревянным хоромам, где государь находился в комнатном платье в окружении самых близких людей.

В разрядных записях и дворцовых документах обычно не уточняется, о каких помещениях идет речь: о каменных в Теремном дворце или о пристроенных к нему деревянных хоромах. Когда вещи вносятся в «Комнату» или когда государь утром молится в «Передней» — это происходит в парадных каменных палатах или в деревянных покоевых? Свидетельства разных источников на этот счет, взятые в комплексе, позволяют прояснить этот вопрос.

Все свидетельства о «деревянных хоромах» Алексея Михайловича за единственным исключением не имеют уточнений, в каком именно помещении имело место то или иное событие. Когда же источники содержат такие уточнения (Комната, Передняя, Передние сени, Крестовая), то речь идет о каменном

Теремном дворце. Невозможно, чтобы деревянные хоромы состояли только из одного помещения, поскольку государь в них спал, молился, обедал и проводил значительное время. Там же находились и некоторые придворные. Из этого следует, что деревянные хоромы были закрытым местом для тех, кто делал записи о местопребывании государя: было неизвестно или не принято уточнять помещение в деревянных хоромах.

Приведем все сведения о «деревянных хоромах» в Дневальных записках приказа тайных дел. В 1659 г., 5 октября, Алексей Михайлович слушал заутреню «в деревянных малых хоромех». В 1660 г., 2 февраля, «столовое кушанье было у великого государя в деревянных хоромех». В 1666 г., 25 мая и 9 августа царь слушал заутреню «в малых деревянных хоромцах» и 14 сентября — всенощную «в деревянных хоромех». В 1667 г., 29 мая, на именины царевны Феодосии Алексеевны, «столовое кушанье было в деревянных хоромах»; 3 июля того же года Алексей Михайлович приехал из Преображенского в Москву «и столовое кушанье было в Комнате; а после столового кушанья изволил великий государь быть у святейших вселенских патриархов; а от патриархов изволил быть у себя, государя, в деревянных хоромех, а из деревянных хором пошел в Куретные ворота в Савин монастырь Сторожевского». 13 июля того же года царь «изволил итить за столовое кушанье в свои государские деревянные хоромы». 16 августа того же года, после литургии, Алексей Михайлович изволил быть «у себя, государя, в деревянных хоромах, а из деревянных хором изволил итить в Комноту», где «был стол в Тереме»: власти и думные люди сидели в Комноте, «а иные стрелецкие головы ели в Передней». В сентябре — октябре того же года государь несколько раз имел «столовое и вечернее кушанье» в «деревянных хоромах»¹¹.

Переходы соединяли деревянные хоромы царской семьи с каменным Теремным дворцом. 29 июня 1662 г. в деревянные хоромы царицы Марии Ильиничны приходили церковные власти, думные люди и гости поздравлять с рождением царевны Феодосии Алексеевны — исключительный случай, когда посторонние посетили царицу в ее деревянных покоях¹².

После объявления царевича Алексея Алексеевича наследником престола 1 сентября 1667 г. его деревянные хоромы были расширены. 11 и 19 сентября 1668 г. живописцы Иван Мирровский и Андрей Павлов получили жалование «от дела новой столовой, что построена... царевичю Алексею Алексеевичю»¹³.

Для второй супруги Алексея Михайловича были построены свои хоромы: не позднее чем через три недели после свадьбы, 16 февраля 1671 г., стряпчий Никита Борков взял сукна к царице Наталье Кирилловне «в новые хоромы»¹⁴. В том же году в хоромах царицы упоминаются убранный «желтым» сукном Передняя с «красным» окном, «что от собору», и Крестовая, тоже с «красным окном»¹⁵. В 1673 г. в хоромах царицы постилали червчатое сукно на пол «в верхнюю избушку, что над Крестовою» и сукно багрец на лавки «в верхнюю избушку, что над Казенкою», червчатое сукно отпустили также «в верхние сени к окошкам на завесы»; «верхняя избушка, что над Крестовою обита кожами зо-

лотными», эти серебряные кожи пошли на обивку «комнаты» царевича Петра, «что над мыленкою». Остатки этих золотых и серебряных кож пошли на убранство хором царевича Федора¹⁶. Любопытно, что хоромы наследника царевича Федора украшались по остаточному принципу после хором царицы и Петра Алексеевича, что косвенно указывает на желание Натальи Кирилловны подчеркнуть значение ее сына в обход пасынка.

К хоромам Натальи Кирилловны делали еще пристройки. В ноябре 1673 г. из червчатого сукна сделали завес «в чюлан, что зделан на переходах у хором у сторонние». В 1674 и 1675 гг. изготовили сначала темно-зеленые, а затем червчатые завесы в царицыны хоромы «в верхние чердаки к окнам, что над крестовыми сенми». В 1675 г. красным сукном услали лавки Натальи Кирилловны «в верхние хоромы, что над стороннею»¹⁷.

После кончины Алексея Михайловича внутреннее убранство ее хором соответствовало статусу вдовы. 31 января 1677 г., уже после того, как двор официально снял траур, в ее Крестовой пол убрали лазоревым сукном, а лавки черным¹⁸.

И. Е. Забелин полагал, что в 1674 г. Алексей Михайлович выстроил новые деревянные Постельные хоромы¹⁹. По-видимому, к ним относится запись о поставке полотна в июле 1674 г. «к нему, великому государю в деревянные хоромы» на «подволоки», по которым живописцы Иван Салтанов, Иван Безмин и Дорофей Ермолаев писали: «притча Ионы пророка, а о Есфирии, притча Моисея пророка»²⁰. О них же в Дневальных записках упомянуто 3 октября того же года: в 3 часа ночи был стол «в новых маленьких хоромцах», здесь же «после стола в 7-м часу но(чи) была потеха... И пошел из маленьких хоромец переходами»²¹. Глубокой ночью царь не мог идти никуда более, как в свои покоевые деревянные хоромы, а следовательно, точнее говорить не о строительстве новых (вместо старых) деревянных хором, а о постройке рядом со старыми — «новых хоромец» для потехи.

Деревянные хоромы (старые и новые) стали местом действия на официальной церемонии объявления царевича Федора Алексеевича наследником престола 1 сентября 1674 г. В тот день Алексей Михайлович облачился в парадные одежды в хоромы царицы Натальи Кирилловны, а царевич Федор — в своих хоромы. Из царицыных хором царь «с государем царевичем шол через... царевичевы хоромы в малые новые хоромы; а из малых хором» царь и наследник «были в Комноте. А из Комноты через Переднюю» отправились в Успенский собор²². Следуя буквально за текстом «выхода», остается полагать, что после облачения царевич пришел к отцу в хоромы царицы, откуда они оба снова «через» помещения царевича прошествовали в Теремной дворец. Таким образом, «новые хоромы» являлись проходными на пути из деревянных хором в каменный Терем. Совершенно ясно, что здесь упомянуты Комната и Передняя Теремного дворца, откуда государям в торжественный момент было приличнее отправиться в соборную церковь, нежели из своих деревянных хором.

В описании царских «выходов» церемония объявления наследником престола царевича Федора 1 сентября 1674 г. имеет существенное отличие от такой же 1 сентября 1667 г., когда наследником был провозглашен царевич Алексей. В 1674 г., облачившись в своих деревянных хоромах, Федор Алексеевич пришел в хоромы к мачехе Наталье Кирилловне, где встретился с отцом. Этот важный момент официальной церемонии должен был подчеркнуть, что царица Наталья по отношению к наследнику наряду с царем выступает в роли «матери»; по отношению к царевичу Алексею Алексеевичу эта нарочитая демонстрация близости с матерью Марией Ильиничной была лишней. Перед нами выразительный пример того, как специальное внимание к дворцовым помещениям обнаруживает важные обстоятельства придворной жизни.

Хоромы царя Федора

В следующий раз деревянные хоромы упоминаются в связи со смертью и похоронами Алексея Михайловича. Царь умер 29 января 1676 г. «в четвертом часу ночи в первой четверти», что соответствует 8 часам вечера по современному счислению времени²³. В ту же ночь состоялась присяга Федору Алексеевичу. Сначала к вере были приведены думные и ближние люди, включая спальников. Затем «в деревянных хоромех... в Передней» бояре князя Н. И. и Я. Н. Одоевские, архимандрит Чудова монастыря Павел, думный дьяк Лукьян Голосов и дьяк приказа тайных дел Даниил Полянский приняли присягу у московских чинов и стрелецких командиров и «иных строев начальных людей»; «после того тех же чинов, которые у веры в Передней не были», приводили к присяге в Столовой, где церемонию крестоцелования проводили те же лица, но без князя Н. И. Одоевского²⁴. Перед нами редкий случай, когда применительно к деревянным хоромам было указано, в каком помещении происходило событие. Этот исключительный факт объясняется тем, что сотни придворных были допущены к крестоцелованию туда, куда обычно ходили лишь самые близкие к государю лица.

Утром 30 января 1676 г. «из деревянных хором тело» царя «несли в Передние сени на рундук, а с рундука в проходные сени, что перед Золотою полатою государыни царицы и на Постелное крыльцо». Там гроб поставили «на сани, и на санях несен Постелным и Красным крыльцом... середнею лесницею» в Архангельский собор²⁵.

Поскольку Алексей Михайлович умер в своих деревянных хоромах, невозможно представить, чтобы Федор Алексеевич после воцарения перебрался в спальню, где умер отец. Согласно московской традиции, это было невыносимо. Так, в 1682 г., после смерти Федора Алексеевича, следующий государь Петр Алексеевич не мог занять покои предшественника. По свидетельству иноземного автора, хорошо знакомого с нравами московского двора, «по обы-

чаю, после погребения над царской постелью, на которой царь умер, в течение шести недель должны были совершаться панихиды на основании верования, что душа умершего шесть недель остается при ложе, пока не пройдет мытарств, то есть чистилища. Поэтому в этих покоях царь Петр еще не жил, а [жил] у своей матери»²⁶. Исходя из такой традиции, Федор Алексеевич продолжал жить в своих царевичевых деревянных хоромах до строительства новых, предназначенных для него как государя.

И. Е. Забелин полагал, что Федор Алексеевич обзавелся новыми деревянными хоромами после первой свадьбы: «...в 1680 г. государь как для себя и своей супруги, так и для своих сестер, меньших и больших царевен, выстроил новые деревянные хоромы, вместо старых, которые были разобраны. Государевы хоромы стояли у Терема подле западной стены Евдокеинской теремной церкви; сюда же перенесены были и хоромы царицы, и перед хоромами был разведен комнатный сад». Из наблюдений И. Е. Забелина следует, что Федор Алексеевич отступил от традиции и, в отличие от деда и отца, не стал строить новых деревянных хором, и до 1680 г. жил в тех, что достались ему от Алексея Михайловича²⁷.

Новые данные позволяют решительно пересмотреть этот вывод. В ноябре — декабре 1676 г. завершалась отделка новых деревянных хором царя Федора. 15 декабря 1676 г. стряпчий с ключом М. Т. Лихачев взял из Казны «к великому государю вверх стол камен аспидной», ранее находившийся в палатах Натальи Кирилловны²⁸. 19 и 20 декабря 1676 г. стряпчий у крюка М. Т. Лихачев взял 12 аршин малинового сукна, «а сказал: великого государя в хоромех в деревянных в другой комнате убита стена под образом Распятия Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа»²⁹; 21 декабря живописец Иван Безмин взял «к великому государю вверх в новые деревянные хоромы на обивку подволоки пять фунтов кружива мишурного белого»³⁰. На следующий день дьяк Семен Кудрявцев взял три персидских бархата «к великому государю вверх в новые деревянные хоромы в наряд»³¹. Того же 22 декабря боярин И. Б. Хитрово объявил царский указ: взнести к царю «ис Казны в хоромы чепа золотые и суды и всякие золотые и хрустальные, и ентарные». На следующий день часть этих предметов вернули обратно в казну, за исключением тех, которые «указал великий государь оставить у себя в хоромех»³².

Все эти приготовления подготавливали новоселье государя в новых хоромех, о чем узнаем из поздней случайной записи: 12 апреля 1677 г. из Оружейной палаты были выплачены деньги за серебряный галун, что «куплен декабря в 26 день (1676 г. — П. С.) для оклейки шкатулы бархатной алой с лица к пяти крушкам серебряным, которую поднес ему, великому государю, в новых ево, великого государя, хоромех на новоселье» боярин Б. М. Хитрово³³. Таким образом, в конце декабря 1676 г. придворные готовились поздравлять государя с новосельем, которое состоялось, как увидим ниже, две недели спустя.

После Рождества 1676 г. в новые хоромы продолжали вносить предметы внутреннего убранства. 3 января 1677 г. постельничий И. М. Языков взял

из царской Казны «вверх к великому государю в хоромы пять зеркал больших и малых», по-видимому, в каждую из пяти комнат³⁴. 7 января боярин Р. М. Стрешнев «по имянному указу вверх к нему, великому государю», принял казначея И. Б. Камынина 10 аршин камок³⁵. 13 января дьяк С. Кудрявцев взял «к великому государю вверх в новые деревянные хоромы шандан серебряной белой, лощат»³⁶.

Наконец, в воскресенье 14 января «в его государевых новых деревянных хоромех, которые построены за заднем дворе, было новоселье»; «а потом ему, великому государю, в тех же хоромех поздравляли и челом ударили хлебами и соболями» думные и ближние люди, а также «дворяне, которые по приказом, и розрядные, и дворцовые дьяки, и степенные, и путные ключники». Государь принял хлебы, «а соболями пожаловал их», т. е. вернул гостям. После литургии царя в новых хоромех посетил патриарх Иоаким — «на новоселье поздравлял и благословлял святыми иконы и подносил хлеб и соболи, и иные дары». Затем «в тех новых хоромех был стол», за которым присутствовали вышеперечисленные чины, «опричь дворовых людей»³⁷.

Можно предположить, что новые царские хоромы были построены на каменном основании Потешного дворца. В столбце документов Оружейной палаты о выдаче денег за разные товары «для государевых и церковных дел» в период сентября 1679 — августа 1680 г. находим следующую недатированную запись (между документами апреля 1680 г.): «...теми краски писать в новых деревянных хоромех розные притчи по полотну на подволоках и на стенах, которые хоромы построены над конюшни на новом Потешном дворе, что бывал боярина Ильи Даниловича Милославского»³⁸.

Таким образом, в первый год царствования Федора Алексеевича структура деревянных хором претерпела существенные изменения. При Алексее Михайловиче многочисленные хоромы членов его семьи составляли единый комплекс: хоромы царя, царицы Натальи Кирилловны, царевичей и царевен от двух браков примыкали друг к другу. После смерти царя Алексея логика придворной борьбы расколола его семью. Для царя Федора возвели отдельные деревянные хоромы, далеко отстоявшие от жилых помещений его родни.

Дальнейшее разделение деревянных помещений, в которых жила царская семья, было начато осенью 1676 г. В «Курантах», выдержках из иностранных газет, которые зачитывались царю и думным людям, появилось следующее известие, отосланное «с Москвы ноября в 21 день по старому»: 19 ноября 1676 г. царь «пошел в поход некоторые места осмотреть, а до Рождества Христова не возвратитца, сказывают, будто изволил осмотреть некото[рое место]³⁹, в котором жить овдовелой великой государыне царице с обоими ее царевнами»⁴⁰. Из текста письма, отосланного 21 ноября из Москвы за рубеж, следует, что в первый — второй день похода царь приискивал место для отселения царицы Натальи и ее сына. Можно предположить, что это могли быть путевые деревянные дворцы на дороге в Троице-Сергиев монастырь: ночь

на 20 ноября царь провел в селе Братошине, столовое кушанье 20 ноября было в селе Воздвиженском⁴¹.

И. Е. Забелин осторожно предположил, что не позднее 1678 г. для царицы Натальи Кирилловны с сыном собирались построить новые хоромы вдали от местопребывания других членов царской семьи — на бывшем дворе боярина С. Л. Стрешнева, для чего к нему присоединили и территорию симоновского подворья⁴². В действительности точное место новых деревянных хором на каменном основании было обнаружено в результате археологических раскопок совсем в другом месте. Они составляли 42,6 м в длину и 27,7 м в ширину; расстояние до Теремного дворца составляло 21,3 м⁴³.

В 1679 г. мастеру Петру Энглесу было велено писать в царицыны «новые хоромы в трех комнатах в верхних по полотном розные притчи: царя Давида, царя Соломона, а те притчи из библеи и из розных книг словенских и латинских»⁴⁴.

В 1679 г. строительство было закончено, и Наталью Кирилловну отселили в отдельное помещение. Об этом знаковом придворном событии сохранился рассказ, записанный П. Н. Крекшиным: будто бы семилетний царевич Петр (в 1679 г. ему как раз исполнилось семь лет) ходил жаловаться к Федору Алексеевичу на «Годунова, нарицаемого Языкова», и царь повелел оставить своих мачеху и единокровного брата во дворце⁴⁵.

В январе 1677 г. Федор Алексеевич серьезно недомогал⁴⁶, и дальнейшее обустройство его нового дома шло с учетом его состояния. 30 января казначей И. Б. Камынин «взнес в хоромы» разные бархаты и атласы, а также четыре «подушки бархатные золотные»; все это «принял в Передней» (т. е. царь Федор все же был в силах, хотя и в подушках, но перебраться из деревянных хором в Теремной дворец) кравчий князь В. Ф. Одоевский, который в те дни должен был постоянно находиться при государе⁴⁷. То есть царь Федор все же был в силах, хотя и в подушках, находиться в Теремном дворце.

2 февраля 1677 г. царский дядька боярин И. Б. Хитрово «выдал из золотой коробочки» 460 золотых, которые Федор Алексеевич скопил «как он был, великий государь в царевичах». Эти золотые принял стряпчий с ключом М. Т. Лихачев, «а сказал: принял у него те золотые великий государь сам в деревянных хоромех в третей комнате сам и при нем отдал те золотые» боярину Б. М. Хитрово, «а указал в тех золотых зделать крест благословенной» в Верхоспаский собор, освященный патриархом накануне — 25 декабря 1676 г.; из оставшихся еще 80 золотых и 300 золотых, что присланы из «хором государынь царевен болших» государь велел сделать другой благословенный крест в Архангельский собор⁴⁸. Только что двор справил панихиду по покойном государе; по состоянию здоровья Федору Алексеевичу к панихиде 29 января 1677 г. «выходу не было»⁴⁹. Вероятно, эти два креста были совместной данью памяти сестер Алексея Михайловича и его царственного сына по усопшем. Как видим, Федор Алексеевич распорядился об этих крестах в деревянных хоромех: золотые к нему туда доставили и по его указу

оттуда же забрали. Он находился «в третьей комнате» — так по традиции именовали Крестовую.

В следующие годы продолжалось украшение деревянных хором. 1 сентября 1678 г. живописцы Василий Познанский и Карп Иванов с товарищами получили краски, которыми им было велено по именному царскому указу писать «в трех деревянных комнатах на стенах и на подволоках разные притчи по полотнам на новом потешном дворе, что был двор» боярина И. Д. Милославского⁵⁰. 6 сентября «в новые деревянные хоромы, что у него, великого государя, вверху к живописному писму» купили холсты «для прибавки к стенам»⁵¹. 18 сентября куплены 150 медных колец «к девяти завесам стамедным красным, что деланы в ево государевы деревянные хоромы к окнам»⁵². В феврале 1679 г. живописцам Ивану Салтанову и Ивану Безнину «с товарищи» было велено «в новых деревянных в две комнаты написать по полотну»; на стены и потолки должно было пойти 500 аршин холста. Завесы к девяти окнам позволяют предполагать три помещения: переднюю, комнату и покоевую.

Каменные палаты Теремного дворца Михаила Федоровича (передняя, комната и покоевая) наследовали традицию деревянного здания и имели по три окна каждая, как это присуще великорусской избе. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче в царских деревянных хорамах упоминались передняя изба, столовая и постельная. Деревянные хоромы Федора Алексеевича сохраняли тот же принцип: три основных помещения по три окна каждое⁵³.

По-видимому, в феврале 1679 г. расписать собирались наиболее парадные помещения — комнату и покоевую. Затем началось украшение третьего помещения. В июне — июле Ивану Салтанову было велено писать на полотнах «в новую деревянную переднюю комнату в подволоку апостольские проповеди»⁵⁴. Эти работы продолжались в сентябре, когда растирали краски «в новые деревянные хоромы к стенному живописному писму к полотнам, на которых писали живописцы разные живописные писма» — «апостольские проповеди и притчи евангельские»⁵⁵.

Особое задание получил мастер Петр Эглес с учеником Иваном Семеновым. 10 марта 1679 г. по именному указу ему было велено написать на полотне «из царственных книг притчи царя Давыда на престоле сидяща, как он благослови сына своего Соломона на свое царство, да царицу Южскую, как она пришла к царю Соломону с подносными дарами, да притчю святая святых, как созидал царь Соломон». В ноябре — декабре выдали деньги мастеру Петру Эглесу за «преоспективное дело» на полотне в новые царские деревянные хоромы: «притчю пророка Иезекиа с пророчества» и «притчю царя Соломона браке да другую притчю идолопоклонение»⁵⁶. Эти притчи П. Энглес писал в царские «новые деревянные верхние три комнаты разные притчи царя Давыда, царя Соломона из розных книг словенских и латинских»⁵⁷.

Таким образом, можно заметить стилистическое единство в оформлении деревянных хором Федора Алексеевича и его мачехи вдовой царицы: один

и тот же мастер писал в их хоромах если и не буквально одни и те же притчи, то по одним и тем же образцам. В конце 1678 г. Петр Энглес завершил роспись трех новых комнат Наталии Кирилловны, а в начале 1679 г. повторил нечто подобное же в царских деревянных хоромах. Жилые помещения царя и его мачехи не только имели сходную структуру (три основные комнаты), но и близкую по тематике и стилистике роспись. Может показаться странным, что мастер сначала расписал комнаты не царя, а Натальи Кирилловны, которая при всевластии Милославских находилась в униженном положении.

В феврале 1680 г. был расписан красками «шпренгель у столовой деревянной полаты над средним окном»⁵⁸. Следовательно, в царской столовой было не менее трех окон. Работы по украшению продолжались и в следующем году: 13 августа 1681 г. было велено отпустить краски для письма «в Передней государеве деревянной комнате»⁵⁹.

Рядом с царскими деревянными хоромами были выстроены еще каменные помещения. По-видимому, они появились в летний строительный сезон 1679 г., поскольку в июне следующего года уже упоминаются как построенное здание: там обивали сукном двое дверей «в полатах, которые построены у него, великого государя, вверху против деревяных хором»⁶⁰.

Не позднее апреля 1680 г. Федор Алексеевич познакомился со своей будущей женой Агафьей Симеоновной Грушецкой. Еще до свадьбы для нее стали возводить отдельные хоромы. Свадьба состоялась 18 июля, а в первых числах июля постлали на пол зеленое английское сукно «в новых брусяных государыни царицы хоромах в четвертой комнате» и обивали двери красным багрецом и мишурным кружевом⁶¹. Это было обширное здание: 15 ноября 1680 г. в нем упоминаются «верхние комнаты Агафьи Симеоновны» с 60 окошками и подклеты под ними с 18 окошками⁶².

Позднее деревянные хоромы царицы Агафьи были перенесены ближе к Теремному дворцу. 24 мая 1681 г. были отпущены кирпич и известь «к строению палат, где живут богомольцы, на которых быть» хоромам Агафьи Симеоновны. 1 августа того же года было «велено к деревянным хоромам государыни царицы, которые перенесены и поставлены у его государевых каменных хором, сделать задние сени против прежняго». По-видимому, хоромы царицы были связаны переходом с сенями Теремного дворца. 10 августа отпустили жиковины (петли) «на польское дело» «в каменные сени, что подле брусяных хором государыни царицы» и в мыленку⁶³.

Перенесение царицыных хором непосредственно к сеням Теремного дворца было вызвано, по-видимому, нарушением затворнического характера жизни женской половины дворца. Агафья Симеоновна стала первой, кто нарушил вековой обычай и, по свидетельству иностранного наблюдателя, «показывается на публике и часто сидит с Его царским величеством в карете, в которую он помогает подниматься и выходить, чего никогда раньше не видано»⁶⁴. Несомненно, что изначально хоромы царицы были связаны переходами с деревянными

хоромами Федора Алексеевича. Летом 1681 г. ее хоромы были перенесены к сеням Теремного дворца, чтобы она могла появляться в каменных палатах перед царедворцами непосредственно из своих покоевых комнат. Так изменение дворцовых помещений отразило знаковое нововведение в жизни царского дворца конца XVII в.

Разделение помещений государева двора XVII в. на жилые деревянные и парадные каменные подчеркивало изолированный характер внутренней дворцовой жизни царской семьи. Частичное преодоление подобного разделения началось еще при Федоре Алексеевиче, а завершилось при Петре I.

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 207.

² Там же. С. 215.

³ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. I. Ч. I. С. 62.

⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. ОЛДП. Ф. 128. П. 11.3. Ст. 1.

⁵ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1898. Вып. 3. С. 25, 45.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Там же. Вып. 4. С. 105.

⁸ *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Утверждение династии. М., 1997. С. 204.

⁹ Там же. С. 221

¹⁰ *Корб И.* Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 204.

¹¹ *Белокуров С. А.* Дневальные записки приказа тайных дел 7165–7183 гг. М., 1908. С. 35, 55, 215, 223, 226, 242, 248, 252–255, 257–259.

¹² Там же. С. 144.

¹³ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Д. 323. Л. 10 – 10 об., 16 об.

¹⁴ Там же. Д. 324. Л. 99 об.

¹⁵ Там же. Д. 861. Л. 77 об., 233; Д. 863. Л. 98.

¹⁶ Там же. Д. 863. Л. 111 об., 113 об., 119 об. – 120.

¹⁷ Там же. Л. 196 об., 348, 475, 477 об.

¹⁸ Там же. Д. 866. Л. 46.

¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. I. Ч. I. С. 63.

²⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 18069. Л. 1 об.

²¹ *Белокуров С. А.* Дневальные записки. С. 313.

²² Выходы государей царей и великих князей, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича всеа Русии самодержцев (с 1632 по 1682 год). М., 1844. С. 581.

²³ Дворцовые разряды (далее ДР). СПб., 1852. Т. III. Стб. 1635; Московский некрополь. СПб., 1907. Т. I. С. 25.

²⁴ ДР. Т. III. Стб. 1640.

²⁵ Выходы. С. 617.

²⁶ Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрания двух царей Петра и Иоанна // Рождение империи. М., 1987. С. 14.

- ²⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. I. Ч. I. С. 66–67.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 252. Л. 53 об.
- ²⁹ Там же. Д. 722. Л. 192 об., 193 об.
- ³⁰ Там же. Д. 252. Л. 57.
- ³¹ Там же. Л. 59.
- ³² Там же. Л. 58 – 58 об.
- ³³ Там же. Оп. 1. Д. 16621. Ст. 1.
- ³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 252. Л. 64 об. – 67.
- ³⁵ Там же. Л. 68–69.
- ³⁶ Там же. Л. 72 – 72 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 210. Столбцы Московского ст. Стб. 484. Ст. 205, 1031–1035.
- ³⁸ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18511. Ст. 114.
- ³⁹ В ркп текст утрачен и восстановлен нами по смыслу.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 155. 1676 г. Д. 8. Л. 137–138.
- ⁴¹ Выходы. С. 629.
- ⁴² Впрочем, в жалованной грамоте Московскому Симонову монастырю 30 августа 1678 г., на которую ссылается И. Е. Забелин, нет никаких данных о том, что этот участок готовили именно для нового дворца вдовой царицы (Акты исторические. СПб., 1842. Т. V. № 26; *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. С. 404–405).
- ⁴³ *Векслер А. Г.* Палаты царицы Натальи Кирилловны в Московском Кремле // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 201.
- ⁴⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20216. Ст. 43–44.
- ⁴⁵ Записки русских людей. СПб., 1841. С. 22–23.
- ⁴⁶ Подробнее см.: *Седов П. В.* Закат Московского царства: царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 267–268.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 252. Л. 84 – 85 об.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 1. Д. 16403.
- ⁴⁹ Выходы. С. 634–635.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20216. Ст. 28.
- ⁵¹ Там же. Д. 17512. Ст. 2.
- ⁵² Там же. Д. 17509. Ст. 11.
- ⁵³ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Т. I. Ч. I. С. 58, 60.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18159. Ст. 1.
- ⁵⁵ Там же. Ст. 2, 4.
- ⁵⁶ Там же. Д. 18697. Ст. 28, 34; Д. 18709. Ст. 1–3.
- ⁵⁷ Там же. Д. 20216. Ст. 53.
- ⁵⁸ Там же. Д. 18917. Ст. 7.
- ⁵⁹ Там же. Д. 20202. Ст. 22.
- ⁶⁰ Там же. Д. 19552. Ст. 7
- ⁶¹ Там же. Ст. 8–10.
- ⁶² *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2003. Т. III. Материалы. С. 675.
- ⁶³ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей и цариц в XVI и XVII столетиях. Т. III. Материалы. С. 621, 624, 655.
- ⁶⁴ Цит. по: *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2009. С. 118; см. также: *Седов П. В.* Закат Московского царства. С. 360.

References

- BELOKUROV S. A. *Dneval'nye zapiski prikaza tajnyh del 7165–7183 gg.* [Day notes of the order of secret affairs 7165–7183. In Russ.] Moscow, 1908.
- BUSHKOVICH P. *Petr Velikij: Bor'ba za vlast' (1671–1725)* [Peter the Great: The Struggle for Power (1671–1725). In Russ.] St. Petersburg, 2009.
- Dnevnik zverskogo izbieniya moskovskikh boyar v stolice v 1682 godu i izbraniya dnuh carej Petra i Ioanna* [Diary of the brutal beating of the Moscow boyars in the capital in 1682 and the election of two tsars Peter and John. In Russ.] // *Rozhdenie imperii*. Moscow, 1987. S. 9–20.
- Dvorcovye razryady* [Palace records. In Russ.] St. Petersburg, 1852. T. III.
- KOLLINS S. *Nyneshnee sostoyanie Rossii, izlozhennoe v pis'me k drugu, zhivushchemu v Londone* [The current state of Russia, as outlined in a letter to a friend living in London. In Russ.] // *Utverzhdenie dinastii*. Moscow, 1997. S. 185–239.
- KORBI I. *Dnevnik puteshestviya v Moskovskogo gosudarstvo Ignatiya Hristofora Gvarienta, posla imperatora Leopold'a I k caryu i velikomu knyazyu Petru Alekseevichu v 1698 g., vedemij sekretarem posol'stva Iogannom Georgom Korbom* [Diary of a trip to the Moscow state of Ignatius Christopher Gvarient, ambassador of Emperor Leopold I to the Tsar and Grand Duke Peter Alekseevich in 1698, kept by the secretary of the embassy Johann Georg Korb. In Russ.] // *Rozhdenie imperii*. Moscow, 1997. S. 21–258.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej* [Complete collection of Russian chronicles. In Russ.] Moscow, 1978. T. 34.
- Puteshestvie Antiohijskogo patriarha Makariya v Rossiju v polovine XVII v., opisannoe ego synom arhidiakonom Pavlom Aleppskim* [The journey of Patriarch Macarius of Antioch to Russia in the half of the 17th century, described by his son Archdeacon Paul of Aleppo. In Russ.] Moscow, 1898. Вып. 3–4.
- SEDOV P. V. *Zakat Moskovskogo carstva: carskij dvor konca XVII veka* [The decline of the Muscovy: the tsar's court at the end of the 17th century. In Russ.] St. Petersburg, 2008.
- VEKSLER A. G. *Palaty caricy Natal'i Kirillovny v Moskovskom Kremlje* [The chambers of Tsarina Natalia Kirillovna in the Moscow Kremlin. In Russ.] // *Drevnosti Moskovskogo Kremlya*. Moscow, 1971. S. 193–211.
- Vyhody gosudarej carej i velikih knyazej, Mihaila Fedorovicha, Alekseya Mihajlovicha, Fedora Alekseevicha vsea Rusii samoderzhtsev (s 1632 po 1682 god).* [The exits of the sovereigns of tsars and grand dukes, Mikhail Fedorovich, Alexei Mikhailovich, Fedor Alekseevich of all Russia autocrats (from 1632 to 1682). In Russ.] Moscow, 1844.
- ZABELIN I. E. *Domashnij byt russkikh carej v XVI i XVII stoletiyah* [Domestic life of Russian tsars in the 16th and 17th centuries. In Russ.] Moscow, 2000. T. I–III.
- ZABELIN I. E. *Istoriya goroda Moskvy* [History of the city of Moscow. In Russ.] Moscow, 1905.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. В. Седов. Деревянные хоромы царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 19–33

Аннотация: Статья посвящена покоевым деревянным хоромам царской семьи в Московском кремле XVII в. На основе новых архивных данных автор уточняет время сооружения, практику использования и внутреннее убранство деревянных хором, которые были соединены переходами с парадными каменными помещениями Теремного дворца. Одним из символов перемен дворцовой жизни конца XVII в. стало перенесение деревянных хором первой жены царя Федора Алексеевича — Агафьи Симеоновны — ближе к Теремному дворцу, чтобы царица впервые в России смогла открыто появляться вместе с государем на публичных дворцовых мероприятиях.

Ключевые слова: царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич, царица Наталья Кирилловна, царица Агафья Симеоновна, деревянные хоромы Московского кремлевского дворца.

FOR CITATION

P. V. Sedov. Wooden mansions of Tsars Alexei Mikhailovich and Feodor Alekseevich // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 19–33

Abstract: The article deals with the resting wooden mansions of the tsar's family in the Moscow Kremlin in the 17th century. On the basis of new archival data, the author clarifies the time of construction, the practice of use and the interior decoration of the wooden choir, which were connected by passages with the ceremonial stone rooms of the Terem Palace. One of the symbols of the changes in palace life at the end of the 17th century was the transfer of the wooden choir of the first wife of Tsar Feodor Alekseevich — Agafya Simeonovna — closer to the Terem Palace, so that the tsarina for the first time in Russia could openly appear together with the sovereign at public palace events.

Key words: tsar Alexei Mikhailovich, tsar Feodor Alekseevich, tsaritsa Natalya Kirillovna, tsaritsa Agafya Simeonovna, wooden mansions of the Moscow Kremlin Palace.

Автор: Седов, Павел Владимирович — д.и.н., заведующий Отделом древней истории России СПбИИ РАН.

Author: Sedov, Pavel Vladimirovich — Doctor of Sciences (History), Head of Medieval Russian history Division of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences.

E-mail: sedovpv@rambler.ru